

Глава 11. Гу Фэй

Только вступив в настоящий бой, Гу Фэй осознал, какая бездна отделяет первую десятку рейтинга от обычных бойцов.

Гэсан топнул правой ногой, и по арене, словно рябь по воде, разошлась волна пыли и каменной крошки. Гу Фэй понял: противник прощупывает почву. Он не стал уклоняться, позволив удару достичь цели. Пыль хлестнула по обнажённой коже, и он ощутил резкую, жгущую боль.

Гу Фэй помрачнел. Нельзя недооценивать этого зверя.

— Ого, Гэсан всё-таки коснулся Истины глубокого таинства? — Нин Лань, наблюдавшая за схваткой, слегка вздрогнула. Тревога за Гу Фэя вспыхнула с новой силой. — Учитель, если он...

Она не успела договорить — мастер Мулунь прервал её резким жестом.

— Больше ни слова об этом! — недовольно отрезал старик. — Я никогда не стану вмешиваться в чужой поединок. Ты, верно, совсем голову потеряла. К тому же присмотришься: этот малый, Гу Фэй, стоит непоколебимо даже под таким напором. Кажется, исход боя вовсе не предreshен.

Нин Лань замерла в сомнении, вновь приковав взгляд к помосту. Бойцы сорвались с места одновременно. Гу Фэй попытался встретить Гэсана встречным ударом кулака, но мощь противника была сокрушительной. Ему пришлось отступить и начать кружить по арене, спасаясь бегством от яростных атак Гэсана. С трибун тут же донёсся недовольный гул и свист.

— Гу Фэй ловок, он избегает прямых попаданий, но Гэсан буквально втаптывает его в землю своим напором, — бесстрастно комментировал мастер Мулунь. — Кажется, Гу Фэй не несёт серьёзного урона, но он совершенно не способен сбить ритм Гэсана и найти брешь для контратаки. Если он надеется просто измотать его бегом, то жестоко ошибается.

Нин Лань, не отрывая глаз от сражающихся, подхватила:

— Постигнув Истину, Гэсан научился черпать «энергию боевого героя» прямо из земли. Она циркулирует в его теле, постоянно восполняя силы. Гу Фэй, скорее всего, об этом не знает... Проклятье!

Трибуны взорвались восторженным криком. Бойцы на помосте внезапно замерли.

На арене закружились сотни воздушных вихрей размером с таз. Они хаотично перемещались по ограниченному пространству, вздымая тучи песка и щебня, оставляя на камнях глубокие спиральные борозды. Пока Гу Фэй уклонялся, Гэсан незаметно наполнил всё пространство вокруг своими «кулачными ветрами». Юноша внезапно осознал: ему почти некуда наступить.

Гу Фэй покрылся холодным потом. Плохо дело.

Гэсан свирепо оскалился. Он смотрел с холодным пламенем, и его взгляд вспыхнул ядовито-зелёным светом. Он сжал кулаки перед грудью; вокруг его мощных рук плясали десятки малых кулачных ветров.

— Сдаваться уже поздно, — прохрипел он.

Что делать? Земля под ногами превратилась в минное поле из кулачных ветров, лишая его главного преимущества — скорости. Пальцы Гу Фэя мелко задрожали.

«Подожди! Почему его атаки обрели плоть? Как они могут оставаться на земле?» — пронеслось в голове. Цзян Жуцзин ведь тоже так умел. В его руках появлялся кинжал — полупрозрачный, призрачный, явно не из стали, но обладающий мощью, недоступной обычному оружию.

В ушах вдруг зазвучал ленивый, насмешливый голос Цзян Жуцзина:

«Это? Всего лишь сгусток духовной энергии. Ты тоже так сможешь. Просто сожми силу внутри себя, придай ей форму. В детстве из грязи лепил? Вот то же самое, только вместо грязи используй собственную энергию. Ах да, я забыл, ты пока слишком слаб, своей силы у тебя кот наплакал. Ну, тогда возьми её у неба и земли».

Каким же был тот кинжал Цзян Жуцзина?

Рукоять... длиной сантиметров восемь. Нет, его собственная ладонь больше, значит, нужно одиннадцать. Чёткая линия обуха, бритвенно-острое лезвие, хищное острие, сияющее холодным блеском. Общая длина — около фута. Древняя простота, безупречная форма и сокрушительная мощь.

— Это... что у него в руках?.. — запинаясь, выдохнула Нин Лань.

Мастер Мулунь прищурился и едва заметно кивнул.

— Истина глубокого таинства. Энергия боевого героя... Этот парень куда способнее, чем ты думала. погоди, что он шепчет?

«Самое мягкое в мире побеждает самое твердое. Не имеющее плоти проникает туда, где нет щелей».

Прошло всего несколько секунд, но для Гу Фэя они растянулись в вечность. Когда он посмотрел, в его руке уже сжимался кристально чистый, прозрачный кинжал. Ступни юноши едва касались земли — он парил в нескольких сантиметрах над бушующими вихрями.

«Будь здесь Цзян Жуцзин... как бы он ударил?»

Не давая ему времени на раздумья, Гэсан с яростным ревом бросился в атаку. Стальной кулак несся прямо в лицо!

— Ого! — восхитился Се Чжицзянь. — «Самое мягкое в мире побеждает самое твердое. Не имеющее плоти проникает туда, где нет щелей».

В его голосе звучало искреннее изумление, граничащее с восторгом, но в его взгляде, тёмном, как бездонная пропасть, затаилось нечто такое, от чего даже Хуа Тинфан почувствовал бы холод.

Хуа Тинфан оставался внешне спокоен. Он знал: сейчас нельзя даже моргнуть, иначе этот монстр рядом может что-то заподозрить.

«Мягкость побеждает твердость». Эта фраза была строкой из «Словно вода» — Сердечного канона Школы меча Цзюньтянь.

Откуда жителям этого мира знать тексты практиков Тяньюаня? Это невозможно. Значит, здесь кто-то есть.

В памяти всплыло юное лицо, так похожее на одного старого знакомого. Если Ли Ле его обнаружит...

Хуа Тинфан твердо решил во что бы то ни стало защитить обладателя этого лица. Он холодно взглянул на Се Чжицзяня и предупредил:

— Даже не вздумай строить планы на мой объект прохождения.

— А! — Се Чжицзянь изобразил понимание. Если это цель Хуа Тинфана, то всё логично: тот мог обучить парня каким-то техникам, чтобы втереться в доверие. — Твой названный братец говорил, что этот Гу Фэй — тоже ваш родственник. Фанфан, у тебя и впрямь специфические вкусы!

Хуа Тинфан одарил его презрительным взглядом и снова отвернулся к арене. Се Чжицзянь продолжал невозмутимо смотреть на него. Спустя минуту «монстр» миролюбиво улыбнулся и спросил:

— Фанфан, а почему ты не сказал, чтобы я не называл тебя Фанфаном?

Вопрос прозвучал мягко, но в нём не было и тени сомнения. Хуа Тинфан понял: он допустил оплошность. Сдержанно бросив короткое «псих», он дал понять, что не намерен продолжать

разговор. Однако Се Чжицзянь был неумолим:

— Фанфан, кто именно сюда пришел?

— Ты слишком много воображаешь, — отрезал Хуа Тинфан.

Собеседник на миг посерьезнел, но тут же снова расплылся в улыбке. Он смотрел кротко, а голос его был обволакивающим и прекрасным.

— Неужели?

Хуа Тинфан наконец повернулся к нему, нахмурившись:

— Говори нормально.

Се Чжицзянь лукаво прищурился:

— Ладно.

Хуа Тинфан сохранял бесстрашие, но сердце его упало. Он слишком хорошо знал Се Чжицзяня. Этот человек верил только самому себе, и обмануть его было почти невозможно. Оставалось только плыть по течению.

Пока двое вели свои загадочные беседы, Гу Фэй на арене ввязался в тяжелейший бой. Оба противника бились не на жизнь, а на смерть. Атмосфера накалилась до предела; зрители затихли, боясь пропустить решающий момент.

Почему он не может победить? Почему, даже создав оружие, как у Цзян Жуцзина, и преодолев ловушки на земле, он всё равно пасует перед этой бурей ударов и сокрушительной мощью Гэсана?

Гу Фэй тяжело дышал. Рана на левом боку превратилась в кровавое месиво, капли крови одна за другой падали на камни.

«Я должен победить. Обязательно!»

Это лишь начало пути. Он не может проиграть здесь. Что скажет Цзян Жуцзин, если он сдастся?

В памяти всплыл позавчерашний вечер. Берег моря в час прилива и сосредоточенное лицо Цзян Жуцзина. Тот взял обычный котелок, воткнул его ручкой в песок и велел смотреть. Пришедшая волна мгновенно вырвала котелок, отшвырнула его на несколько метров и оставила валяться в грязи, жалким и испачканным.

Затем Цзян Жуцзин поднял котелок, встал на то же самое место и крепко сжал ручку. Когда нахлынула новая волна, еще мощнее прежней, он не стал сопротивляться — он стремительно отступил вместе с ней. И в тот миг, когда сила воды иссякла, а море начало откатываться назад, он резко взмахнул рукой. Котелок выбил веер сверкающих брызг, а сам остался безупречно чистым.

«Самое мягкое в мире побеждает самое твердое».

И он, почти не знающий грамоты, вдруг всё понял.

Когда Гэсан впервые рухнул на землю, трибуны взорвались криком неверия.

Когда Гэсана в двадцатый раз впечатали в помост, зрители начали скандировать имя Гу Фэй.

Когда Гэсан окончательно впал в беспамятство, а Гу Фэй вскинул руку в победном жесте — арена сошла с ума.

Гу Фэй — десятый в рейтинге Айлани. Гу Фэй — человек, сотворивший чудо.

Юноша стоял, покрасневшийся от возбуждения, его пальцы всё ещё мелко дрожали. Он сделал это! Победил на великой арене Айлани, заставил всех увидеть свою силу, заставил их кричать его имя! Его вера окрепла: путь воина бесконечен, и он рожден для того, чтобы стоять здесь.

Среди оглушительного рева трибун Се Чжицзянь лениво протянул:

— Ух ты, какая мощная сила чувств... Ты успел первым, какая жалость.

Хуа Тинфан проигнорировал его.

— Что ж, кажется, мне тоже пора стать чуть усерднее, — продолжал Се Чжицзянь сам с собой.
— Я ухожу, не буду мешать тебе и твоей цели.

Он поднялся и, напевая под нос какой-то незатейливый мотивчик, неспешно направился к выходу:

— Я — прилежный новичок, тружусь, творю бардак... Пора приниматься за дела...

Цзян Жуцзин, разумеется, тоже видел бой Гу Фэя — он смотрел прямую трансляцию по телевизору у соседки.

Победа ученика была для него делом решённым: вещица из «Фонаря желаний» всегда была знаком качества. Обсудив поединок с сыном соседки, он вразвалочку вышел из дома. Но стоило ему достать ключи, как под светом уличного фонаря на его плечо легла чужая тень.

Цзян Жуцзин медленно посмотрел вверх.

— Малыш, не подскажешь, Гу Фэй здесь живет?

<http://bllate.org/book/17530/1701834>